

Нина Че

Сукины дети

Нина Че

Сукины дети

<https://litres.ru/74018586>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юля живёт обычной жизнью советского ребёнка: устраивает и тушит пожар, узнаёт, откуда берутся дети, купает мышонка, крадёт младенца, пытается кукол и убегает от маньяка.

Если вам хочется от души посмеяться и погрузиться, вспомнить детство и лучше понять собственных детей, а заодно разобраться, откуда берутся взрослые травмы, эта книга - для вас.

Нина Че

Сукины дети

Нина Че
СУКИНЫ ДЕТИ
роман

Предисловие

– Мне кажется, тут чего-то не хватает. Каких-то выводов, морали, что ли, – задумчиво сказала дочь, прочтя книгу.

Я растерялась: терпеть не могу слово мораль!

Да и кто я такая, чтобы пытаться кому-то её насадить? Это уместно разве что в баснях. Я всего лишь автор и ничуть не умнее других, у меня нет ответов на все вопросы, тайных откровений и универсальных истин.

Мое дело – рассказывать истории, а выводы из них пусть каждый делает сам. Или не делает, а просто немного побудет внутренним ребёнком наружу.

Утро

– Вставай! Вставай! Ю-ля!

Меня жестоко вытряхивают из уютной тьмы забвения в неуютную серость яви.

– Юля! Поднимайся, а то в садик опоздаешь! – безжалостно тормозит меня мама.

Ой, большое горе! Сдался мне ваш садик! Отстаньте!

Мама перестаёт меня трясти на одну секунду, и я тут же использую её, чтобы уплыть обратно в сон. Но мама вероломно откидывает тяжёлое ватное одеяло и холод выманивает меня наружу. Снаружи мне не нравится, а тьма изнутри сосёт вверху живота, выше пупка, пытаюсь затянуть меня в ледяную бездну реальности. От этого сосания меня тут же начинает тошнить.

Не размыкая век, я наощупь бреду в туалет, шлёпая по ледяному полу босыми ногами, и включаю воду, делая вид, что умываюсь.

Папа уже завтракает на кухне.

Мама натягивает на меня колготки и платье, а я мотаюсь, как кожаный кулёк. Потом кофту. Я извиваюсь и хнычу – колкая кофта кусается, всё тело чешется, колготки жёсткие и тянут в паху, а замятые кофтой рукава фланелевого платья жмут подмышками.

Не обращая внимания на моё нытьё, мама терпеливо натягивает на меня валенки, толстую мутоновую шубку до по-

ла и мутоновую жёлтую шапку в леопардовую коричневую крапинку, фиксируя наверху резинкой. Потом поднимает воротник шубы и заматывает рот шарфом. Шарф тоже колкий, шерстяной, хорошо, что не доходит до лица, ограничиваемый шапкой. Потом она застёгивает пояс с пряжкой на шубе, окончательно превратив меня в толстый меховой свёрток.

Меня выставляют на лестничную площадку, чтобы не вспотела, хотя вспотела я ещё на стадии кофты.

Я продолжаю спать стоя, привалившись к соседской двери. Если соседи откроют, то я упаду им прямо в квартиру. Но мне без разницы.

Выходит папа с санками, берёт меня за концы шарфа сзади и выводит по ступенькам, чтоб не упала. Упасть в мутоновой шубе – интересно, кто такие мутоны? надо будет вечером спросить у папы, – всё равно, что в скафандре. Или старинном рыцарском доспехе: встать самостоятельно не получится, зато падать мягко.

Свисающая из рукава варежка цепляется за перила и тащит назад. Я резко торможу, боясь повиснуть на перилах огородным пугалом и болтаться так весь день, но тут папа меня героически освобождает от коварных перил.

Он тянет на себя дверь подъезда, в лицо и нос мне разом впиваются тысячи злобных морозных игл, старших братьев шерстяных колючек.

Дыхание перехватывает, а нос пугающе слипается изнутри. Сейчас он слипнется насовсем, и я задохнусь! От ужаса

я реву внутрь шарфа. Там становится ещё мокрее.

Папа молча засовывает меня в санки и берёт верёвку.

Шарф налезает на глаза, и я ничего не вижу, а руки поднять невозможно – шубка стянута ремнём, но мне и не надо – я сплю, плавно покачиваясь в санках, погружаясь назад, в благословенную первобытную тьму. Там, снаружи, тоже темнота, но она злая, ледяная, неудобная. Мне не хочется возвращаться туда.

Иногда санки резко дёргаются и скрежещут, отчего по коже сыплются жирные мурашки: значит, в этом месте дорожка расчищена до асфальта.

Вдруг санки перестают скользить, чувствую я сквозь толщу сна. Лицо под шарфом у меня совершенно мокрое, а снаружи он заиндевел и покрылся ледяной коркой.

Через несколько секунд возвращается папа, не сразу заметивший, что санки стали легче на одну Юлю. Он подбирает меня с асфальта и запикивает обратно. Наконец, мы добираемся до садика. Здесь резкий свет и я немного просыпаюсь.

В нос ударяет тепло и запах гороховой каши. Хуже гороховой каши может быть только винегрет, а хуже винегрета – кисель, мерзкая склизкая жижа, бррр!

На глаза наворачиваются слёзы: жизнь – боль.

Но тут в коридор выбегает мой дружок Серёжа Сланин, и я вспоминаю, зачем вообще стоит таскаться в проклятый садик. Папа сноровисто высвобождает меня из тугого кокона шарфа, шапки, кофты, валенок и ко мне возвращается обыч-

ная детская лёгкость.

Мы с Серёжей долго размазываем кашу по тарелкам, заговорщически переглядываясь, пока Галина Ивановна не гонит нас из-за стола. Выдохнув с облегчением, мы несёмся играть в детский уголок, как будто в детском саду есть что-то взрослое.

Серёжа наблюдает, как я сосредоточенно разделяваю куклу-неваляшку. Нет, она ничего такого не сделала, просто её никак невозможно уложить спать, ничего не помогает, даже тяжёлое одеяло – кукла упорно выпрямляется. Пришла пора выяснить причину непослушания. Неваляшка скользкая и препарируется с трудом, но после долгих усилий с Серёжиной помощью мне удаётся её располовинить.

И что бы вы думали? Внутри у неё тяжёлый железный шарик, который скатывается вниз, не давая игрушке лежать! Шарик я выкидываю и теперь неваляшка охотно лежит в кроватке. Зато перестаёт стоять. Какая же бестолковая игрушка! Я сую останки неваляшки на полку и берусь за нормальную куклу.

– Ты меня любишь? – неожиданно спрашиваю я Серёжу, расчёсывая кукле волосы.

Он решительно отвечает:

– Да!

– И я тебя, – признаюсь я. – Давай поженимся, когда вырастем?

Серёжа оттопыривает губу и долго молчит. Меня начина-

ют одолевать смутные сомнения.

– И нарОдим себе дочку. Или две, – искушаю я. – И будет у нас много-много народу!

– А сыночков что, не нарОдим? – обижается Серёжа.

Я фыркаю про себя: всем известно, что дочек рожают себе мамы, а сыночков – папы. Нужно, сам пусть и рожает. Но вслух говорю:

– Ну не знаю, уж кто урОдится.

Серёжа сопит, шевеля белёсыми бровями, и говорит, тяжело вздохнув:

– Не могу. Я поженюсь на маме, когда стану большим.

– Как же ты на ней по женишься? На ней же твой папа уже по женился? – удивляюсь я.

– Ну он же уже старый станет, когда я вырасту, и умрёт. Вот тогда и поженюсь, – ловко выкручивается Серёжа.

Ах вот, значит, что! как в дочки-матери играть, так пожалуйста, а как пожениться, так какие-то отмазки! Ну и ладно, тогда я тоже поженюсь на своём папе, папу я люблю больше, чем Серёжку, и знаю его дольше. К тому же папа меня на саночках возит и сказки читает на ночь, а Серёжка не факт, что увезёт, он ростом ещё ниже меня, да и читать не умеет. И тут я вспоминаю, что папа у меня старше мамы и вообще навряд ли доживёт до того, как я стану взрослой.

От такого оскорбления из левого – или правого, я ещё не очень их различаю – глаза у меня выкатывается здоровенная

слеза. Я с размаху швыряю полуодетую куклу Серёжке под ноги – сам тогда разбирайся со своим потомством! и гордо удаляюсь в угол, реветь.

Вначале реветь выходит искренне. Потом мне надоедает, и я картинно хнычу, исподтишка наблюдая за Серёжкой сквозь щели между пальцами: бывший жених неловко застёгивает игрушечной дочке платье, бросая в мою сторону виноватые взгляды.

Эффект достигнут. Я отворачиваюсь от Серёжки и обвожу взглядом группу в поисках другого кандидата на тихое семейное счастье. Мальчиков у нас много, на изменщике-Серёжке свет клином не сошёлся. Вот хотя бы с Виталиком поженюсь. Виталик красивый и не дерётся. Я улыбаюсь Виталику сквозь слёзы, и тут потенциальный муж лезет пальцем в нос, долго там копается, выуживает жирную козявку, рассматривает и решительно съёт добычу в рот, даже не подозревая, что только что остался холостяком.

Ну и пожалуйста! Ну и пусть! вообще тогда не буду ни на ком жениться, в девках останусь, решаю я и всхлипываю уже по-настоящему.

Тут подходит пристыженный Сережа, съёт мне под нос одетую куклу, свидетельство своей отцовской состоятельности, и заявляет, что одумался, переосмыслил ценности и готов жениться на мне. И пусть даже у нас будут одни только дочери. Вот то-то же! – радуюсь я мстительно.

Жизнь возвращается в привычную колею.

Экскурсовод

По пути домой мама покупает мне в гастрономе на углу вафельный стаканчик.

– Мам, можно погулять? – дёргаю я её за рукав одной рукой.

В другой руке у меня мороженое. Мы уже в своём дворе и у подъезда я вижу незнакомую девочку. Вообще-то незнакомая девочка – это я, потому что мы недавно переехали в этот дом, и я ещё не завела себе новых друзей. А эта, может, уже сто лет тут живёт и всех знает.

– Ладно, иди, познакомься, – сдаётся мама. – Угости её мороженым.

Я послушно беру мороженое, подхожу поближе и протягиваю его девчонке, хотя не понимаю, почему это должна её угощать – стаканчиков всего три, маме, папе и мне, и незнакомая девчонка явно тут лишняя.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я исключительно из вежливости.

– Лиля, – отвечает девчонка и кусает от стаканчика.

Даже не поблагодарила! Можно подумать, ей на улице каждый день мороженое раздают!

– А тебя? – интересуется она с набитым ртом.

Ну спасибо, хоть имя моё спросила! Но других потенциальных друзей вокруг не видно и выбирать особо не прихо-

дится. Как-нибудь потом я поищу получше, а пока и эта сойдёт.

– Юля, – представляюсь я.

И только мы познакомились, как мама уже зовёт меня домой.

– Да пусть остаётся, – просит Лилькина бабка с лавочки. – Вон как хорошо они играют!

Да, пусть я остаюсь, а то, выходит, зря пропало наше мороженое, даже поиграть не успели. Мама настрого велит бабке нас одних не оставлять, потому что мне уже пять лет, а девчонке Лильке всего четыре – она младше на целых три месяца.

Мы немного молча доедаем мороженое – кусать холодно и мёрзнут зубы, – потом ковыряемся в песочнице, передавая друг другу ведёрко и формочки. Потом Лилька спрашивает, разминая пальцами затесавшуюся в песок какашку:

– Ты в какой садик ходишь? В «Золотой ключик»?

Ещё чего! Стану я ходить куда попало!

– Нет, конечно. – возмущаюсь я и гордо отвечаю: – В «Ку-колку».

Лилька обиженно оттопыривает губу:

– «Золотой ключик» лучше!

Вот задавака! Как будто она повидала в своей долгой жизни сто садиков и имеет право сравнивать!

– Да видела я твой садик – мимо проходила, когда с мамой на её работу шла. Ничего особенного! А ты мой вообще не

видела, а споришь, – говорю я снисходительно.

– Так ты его только снаружи видела, а внутри не была, – возражает вредная Лилька.

Она уже успела понюхать влажные пальцы и обнаружить кашку. Может быть, и вредничает из-за этого открытия.

Тут как раз Лилькина бабка собирается на минуточку домой и велит нам никуда не уходить. Ну мы и не уходим. Вначале. А потом новая знакомая так меня злит со своим дурацким садиком, что я предлагаю ей сходить и посмотреть лично на оба объекта, претендующих на звание «Лучший садик города».

Её садик тут рядом, прямо за домом...ну ладно, за тремя домами.

Садик как садик, ничего особенного, как я и думала: типовая кирпичная двухэтажка, песочницы, горки, лесенки, металлические машинки и космические корабли... Словом, серость и уныние! Не то, что мой. Я ликую! Конечно, победа будет за мной: только слепой не заметит разницы!

Мой садик немного дальше – всего на пару троллейбусных остановок, за парком. Ну, может, остановки четыре, и до остановки ещё квартал пешком. Хотя остановка нам ни к чему, денег-то у нас нет и нам нечего бросить в автобусную кассу, чтобы важно выкрутить билетики.

Лилька поначалу упирается, мол, далеко идти. Вот цаца! Но уговор есть уговор – надо посмотреть оба. К тому же всякий человек и даже ребёнок знает, как полезны пешие про-

гулки.

Незаметно темнеет.

Когда мы добираемся до моего садика, он уже закрыт и ворота заперты.

Смешные эти взрослые! Какой смысл запирать ворота, если под ними вооотакая щель?

Правда, для некоторых толстых девочек по имени Лилька щель оказывается недостаточно большой: зацепившись боком за железяку по дороге туда и животом за асфальт – по дороге обратно, эта плакса начинает немедленно хныкать, что замарала новое платье.

Не обращая внимания на нытьё гости, я с хозяйской гордостью демонстрирую свои владения: прекрасный кирпичный двухэтажный корпус, уютные участки с удобными песочницами, высокими горками, крепкими лестницами, красочными машинками и космическими кораблями.

Но, виной ли тому плохое освещение или просто дурной нрав моей спутницы, победы моей она так и не признаёт. Ну не портить же из-за этакой мелочи прекрасный вечер! Я-то знаю, что права.

Очень кстати вспоминается, что совсем рядом, в соседнем квартале, живут наши знакомые. Глупо упустить такую возможность и не нанести им визит!

К тому же они держат пасеку и всегда угощают меня мёдом. И не каким-нибудь там обычным пошлым мёдом, а настоящим мёдом в сотах. Мёд обалденный и жуётся долго, как

жвачка. Иногда в нём даже попадаются дохлые пчёлы. Пчел можно не жевать, а выплевывать на стол, а потом считать, у кого больше.

Сказано – сделано.

Мы бодро топчем по ступенькам, хотя в доме есть лифт. Ну их, лифты эти, страшные они. Но Лильке я говорю, что не так и высоко – шестой этаж всего, дольше лифта ждать. А то решит ещё, что я трусиха. Дверь открывает дочка хозяев, Лена. Она совсем большая и даже немного старая, лет двенадцати. Я не знаю, называть Лену ещё на «ты» или надо уже на «вы», поэтому стараюсь никак не называть.

Лена смотрит на меня, на Лильку, зачем-то, вытянув шею, заглядывает нам за спины, на лестничный пролёт.

И первой же фразой, как это умеют только взрослые, всё портит:

– Здравствуй, Юля. А тётя Галя где?

Ну начинается! думаю я и отвечаю угрюмо:

– Мама дома.

– Так ты с папой? – игнорируя нормы приличия, напирает Лена, тревожно прислушиваясь к тишине на лестнице и не торопясь пригласить усталых путников в тепло.

– Я без папы, – говорю я, ещё больше мрачняя.

Будто не заметно, что мы вдвоём с Лилькой. Нет, ну бываю же такие бестактные люди!

– Лена, кто там пришёл? – слышится из глубины квартиры голос Тамары Сергеевны.

– Это Юля! – отзывается Ленка.

– Так пусть заходят! – кричит Тамара Сергеевна. – Галя, Боря, проходите!

– Она одна, – озадаченно сообщает Ленка. – С девочкой какой-то.

Лилька сзади тихонько дёргает меня за юбку. Да я и сама понимаю, что визит не задался и без родителей мне тут не рады. Вот, значит, как! А я-то думала, что нравлюсь им сама по себе. Мы вежливо, хотя и несколько поспешно, прощаемся и сбегает вниз по лестнице.

– Юля?! – неуверенно зовут сверху голосом Лениной мамы. Но после такого приёма мы, конечно, не возвращаемся.

Путь домой лежит через городской парк. Спят качели, спят деревья. Стоя спят облупленные карусельные зверушки. Тревожным сном не праведников спят дяденьки, которые должны были перед сном зажечь парковые фонари, но так и не зажгли.

В спящем виде даже монстры-лодочки, в которые я днём не за что бы не полезла, кажутся безобидными.

Мы пересекаем половину парка, когда мне в голову приходит блестящая мысль: какой смысл идти домой от садика, если утром надо будет возвращаться сюда же? Гораздо логичнее переночевать прямо тут, в парке, и утром спокойно вернуться в группу. И папа выспится подольше, потому что ему не придётся утром вести меня в сад.

На том мы и решаем. Стелим кофточки на скамейке одной

из лодочек.

Ну, как стелим – я стелю. А у Лильки кофточки нет. Поэтому она через несколько минут мёрзнет и начинает ныть.

– Мой-то садик, – (дурацкий! добавляю я мысленно) хнычет Лилька, – в совсем другой стороне.

– И чё? – не понимаю я.

– Значит, тогда мне придётся утром тащиться через весь город, – заключает плакса. – И бабушка меня уже обыскалась...наверное.

Довольно разумно для такой малявки, соглашаюсь я, нехотя поднимаюсь с нагретого места и веду её домой. Потому что, в добавок ко всему, глупая Лилька совершенно не помнит дорогу.

На подходе мы различаем четыре мечущиеся фигуры на углу нашего дома — это родина встречает героев-путешественников. Правда, без официальных представителей – взволнованные родители как раз бежали к телефону-автомату, чтобы вызвать милицию. Эх, жалко, что не успели! И опять из-за Лильки: ещё каких-то минут пятнадцать, и нас бы встречали с милицией!

Это увлекательное, но не идеальное путешествие преподносит мне важный жизненный урок: отправляясь в экспедицию, тщательнее подбирайте соратников. И не забывайте дома тёплую кофточку.

Странные вопросы

Мы идём с мамой из садика, как вдруг незнакомая тётя бросается нам наперерез с радостным воплем:

– Галя!!

Я запинаясь от неожиданности и едва не наступаю на трещину в асфальте. А всякому известно, что этого делать ни в коем случае нельзя, потому что у тебя тогда кто-то умрёт. Кто-то очень дорогой. У меня не так много народу, только мама, папа и я, лишних нету никого. От того, что я чуть было кого-то из нас не убила из-за тётиного заполошного крика, я немного на неё злюсь и на всякий случай шмыгаю за мамины ноги.

Тётя подлетает, обдав меня густым ароматом духов, от которых немедленно начинает чесаться в носу, и с жаром целует маму в обе щеки: «мууа! мууа!».

Если бы она не поздоровалась, то я бы подумала, что на маму напали. Мама немного подаётся назад, и я догадываюсь, что она не очень хочет целоваться с этой тётей. По крайней мере, при мне. Может, боится, что я проболтаюсь папе о том, что её целует не только он?

Любвеобильная тётя долго тарыхтит о каких-то скучных взрослых вещах, незнакомых тётях и дядях и о работе. Я в это время со скуки ковыряю сандаликом ямку в асфальте. Сквозь неё пробивается одуванчик, жёлтый и пушистый, как цыплёнок. Надо же, какой он сильный, хоть и крохотный! Асфальт ведь такой твёрдый, я знаю – падала.

И вдруг тётя переключается на меня:

— Это твоя дочка?

Нет, бурчу я про себя. Мама меня на улице подобрала и домой насильно тащит.

Тётя резко складывается пополам, будто строительный кран, и я вижу крупным планом её мохнатые ресницы в чёрных комочках туши, жирные алые губы и жёсткие волоски над верхней губой. Тяжёлые золотые серёжки свисают на неправдоподобно розовые и пушистые тётини кукольные щёки.

– Да, Люда, это Юля, – отзывается сверху мама без особой радости.

Я зажмуриваюсь и втягиваю голову в плечи, опасаясь, что настала моя очередь целоваться. Но тётя меня не целует, а просто восхищается:

– Ну копия Бориса!

Я осторожно открываю один глаз и рассматриваю тётини босоножки на каблуках. Красивые! Когда вырасту, непременно куплю себе такие же!

Тут незнакомка снова оборачивается ко мне и фальшивым тоненьким голосом, которым взрослые почему-то всегда разговаривают с детьми, сюсюкает:

– А как тебя зовут?

– Юля, – я удивлённо распахиваю оба глаза, но послушно включаюсь в знакомую игру.

Мама ведь только что назвала моё имя!

– Юля! Ах, как чудно! – цокает незнакомка, демонстрируя бровями крайнюю степень восторга.

С этим я согласна – имя у меня красивое.

– А сколько тебе лет? – продолжает допрос настырная тётя.

– Четыррри, – отвечаю я, для верности растопыривая пальцы: очевидно, что красивая тётя не отличается сообразительностью.

– Ты одна? – задаёт тётя странный вопрос.

Я оглядываюсь. Тут по-прежнему только мы трое и вроде никого больше нет.

– Я имею ввиду, у тебя нет братика или сестрёнки? – уточняет Люда, хихикая.

Я отрицательно мотаю головой.

– Скучно одной, наверное? – продолжает пытаться тётя.

Я пожимаю плечами – откуда я знаю, скучно мне или нет? У меня же никогда их и не было. Вот если бы они были, а потом вдруг куда-то подевались, тогда бы я смогла ответить на этот вопрос.

– А ты бы попросила у мамы с папой, они бы в магазине и купили, – продолжает лукавая тётя, незаметно, как ей кажется, подмигивая моей маме. Мама криво улыбается.

Попросила?? Да я даже игрушки в магазине никогда не клянчу, просто подхожу и молча вздыхаю, чтобы родители сами догадались. Правда, догадываются они не часто, видимо, пора менять тактику.

А сестричка, поди, стоит дороже той германской куклы с длинными белыми локонами и шелковыми ресничками, хотя и не факт, что понравится мне больше. К тому же младенцы лысые, в отличие от куклы. И чем с ними вообще заниматься? Кукле можно делать причёски, одевать её в разные красивые платьица, наклонять её, слушая хрипкое «мам-ма», усаживать на стульчик и кормить из кукольной посуды.

А недавно мама с папой купили телевизор, так что денег на сестричку совсем не осталось.

Но это не главная проблема: подружка Лилька вот так просила у мамы сестричку, а та купила вместо неё братика. Сказала, девочки в магазине кончились, пришлось брать, что было. А кому он нужен, братик, да ещё и младший? Лилька пыталась уговорить маму сдать братика обратно и дождаться, когда завезут сестричек, но это оказалось невозможным, потому что братик уже стал бэу и его назад не приняли. А Лилька ещё и виновата оказалась: сама клянчила, а теперь недовольна.

Ну уж нет, спасибо.

– А кого ты больше любишь – маму или папу? – наносит тётя удар ниже пояса.

Я разеваю рот, поражённая таким вероломством.

Мне никогда раньше не приходило в голову, что кого-то из родителей можно любить меньше, а кого-то больше. И вот теперь я вынуждена лихорадочно вспоминать, что хорошего сделала мне мама, а что – папа, ведь чтобы ответить, кого

я больше люблю, нужно вначале выбрать, а чтобы выбрать, нужно сравнить.

Итак, папа:

забирает меня из садика и по пути домой и покупает мои любимые пироженки «картошка» в гастрономе, а иногда мы заходим в парк, пострелять в «Морской бой» или покататься на каруселях. Папа, правда, никогда сам не играет и не качается, но меня терпеливо ждёт, не ворчит, что уже пора.

Мама: шьёт мне одежду для кукол и даже кукольное постельное бельё. И готовит нам всем еду.

А ещё папа мне приносит из леса лисичкин хлеб, очень вкусный, совсем не такой, как у нас в магазине. Конечно, его лисичка для меня нарочно из лесу передаёт, но папа всегда доносит, хотя мог бы и сам съесть. Может, опасается, что я вырасту, пойду в лес и встречу лисичку сама, а она такая:

– Юля, понравился тебе мой хлеб?

А я ей:

– Какой ещё хлеб?

А мама мне всегда дует на ранку, когда я обожгусь или поранюсь.

А папа всегда придерживает рукой ветку, когда я иду за ним по лесу или по парку, чтобы ветка меня не хлестнула. Всё-таки быть большим не всегда хорошо, потому что я внизу, а ветки в основном вверху и меня не достают.

А ещё мама....

и тут я понимаю, что не могу никого из них любить мень-

ше другого.

В глазах начинает горячо щипать и я уже собираюсь зареветь во весь рот, но тут снова слышу противный голос:

– Ты же любишь маму? – и просто киваю.

– А папу? – не унимается мамина знакомая.

И папу люблю, подтверждаю я энергично.

Поднимаю глаза на маму в ожидании, что та поставит на место приставучую тётку Людку. Но мама молчит. И зачем только взрослые водятся с такими неприятными людьми?

– А кого больше?

– Чего привязалась, дура?! Отстань от меня! Обоих я люблю, ПОРОВНУ!!! – мне хочется завопить во весь голос, топая ногами, но я благоразумно сдерживаюсь и лепечу только последнее слово:

– Поровну...

Тётка распрямляется, удовлетворённо хихикая, и я понимаю, что пытка любовью закончилась. Не знаю, о чём думает мама, а я делаю второе открытие за десять минут: взрослые тоже бывают дураками.

Наконец, тётка Люда прощается и уходит, элегантно оставив запястье с оттопыренным мизинчиком. Мы с мамой смотрим ей вслед.

Не такая она и красивая, мстительно думаю я. Даже вообще уродская.

И босоножки у неё дурацкие, ни за что такие не куплю!
— Значит, не хочешь сестрёнку? – переспрашивает мама, улыбаясь одними глазами.
– Неа! – решительно мотаю я головой и сую руку в её мягкую ладошку.

Хулиганы

Мы с Оксаной из соседнего подъезда возимся в песочнице, лепим куличи из формочек и строим песочные дома. Строительный материал у нас, что надо: накануне прошёл дождь и песочек, сухой снаружи, идеально липкий и влажный внутри. Нужно только аккуратно отгрести в сторону кошачьи какашки.

Я тщательно прихлопываю содержимое ведёрка совочком и переворачиваю его на деревянный бортик. Поднимаю ведёрко – хоба! отличный вышел кулич! Разглаживаю ладошкой неровности, осторожно кладу сверху цветочек из формочки и говорю Оксане:

– Прошу вас, угощайтесь!

– Спасибо, – важно произносит та и делает вид, что пробует совочком угощение. – Ах, как вкусно!

– Ахахах! – слышится у нас над головами. – Вот же дуры – песок едят!

Возле песочницы стоит и кривляется большой прыщавый мальчишка.

– Это не песок, а песочные куличики, – возражает Оксана.

– Мы же его не взаправду едим, а понарошку, – мирно добавляю я.

Но задавака не унимается. В руке у него железная палка, которой он сковыривает с бортика вначале один кулич, а потом второй.

– Уходи! – ору я с ненавистью.

– Маленьких нельзя обижать! – потрясённо говорит Оксана и всхлипывает.

Её гладкое лицо складывается в кривую гримасу, нижняя губа выкатывается вперёд, а по щекам катятся крупные слёзы.

Хулиган удовлетворённо хохочет и с наслаждением давит ногой последний кулич.

– Я всё маме расскажу! – ревёт Оксана в голос. – И папе! Он тебя побьёт!

– Да ну? И где же твой папа? – глумливо интересуется прыщавый.

Оксана беспомощно оборачивается: мама её сидит на лавочке с соседками за четыре подъезда от нас и помочь ничем не может, ей невдомёк, что в это самое время враги обижают её дочь.

Моя мама вообще дома – я гуляла с Оксаниной, поэтому рассчитывать на помощь не приходится.

Хулиган отворачивается и лениво вылезает из песочницы: то ли ломать больше нечего и ему становится скучно, то ли

он вправду испугался Оксаниного папы, но он вразвалочку идёт прочь, оставив позади разбитые куличики и сердца.

Мои ногти впиваются в ладони. В горле делается горько и горячо, и я не могу сказать ни слова, молча глядя, как наш обидчик уходит и ничего ему за это не будет! А папа говорит, что нельзя давать себя в обиду, нужно уметь давать сдачи и постоять за себя! Только не уточняет, что делать, если эту сдачу нужно дать кому-то старше и сильнее тебя.

Я шмыгаю носом и озираюсь: в углу песочницы валяется длинная железяка, забытая хулиганом.

– Эй ты, дурак! – кричу я громко в удаляющуюся спину бандита.

– Чегооо? – удивлённо оборачивается тот, угрожающе подняв бровь. – Ты это мне, малявка?!

Я в ужасе зажмуриваюсь и так, с закрытыми глазами, мечу железяку в сторону голоса.

Открыть глаза меня заставляют два возгласа:

– ААаа!!!! Дура сумасшедшая!! – хулигана, зажимающего разбитый лоб и

– Юля!!!? – Оксаниной мамы.

Сердце моё падает: сквозь пальцы негодяя сочится красное, а глаза маминой подруги округляются от ужаса.

Я чувствую одновременно панику и злую радость: попала! я попала!!

Но теперь выходит, что это он жертва, а вовсе не мы, и это он побежит жаловаться мамочке, что его обидели – я та-

кое не раз наблюдала в садике, когда кто-то первым начал ссору, а, получив отпор, бежал жаловаться воспитателю: главное, нужно было реветь громче своей жертвы и ябедничать первым. Меня всегда поражало, как это взрослые не видят правды и никогда не разбираются в причинах, наказывая жертву и жалея хулигана.

Пока я сижу попой в песке, оцепенев от стыда, гордости и ужаса, Оксана рассказывает маме, что случилось, и в её взгляде читается смесь страха и уважения. Впрочем, хулиган сбежал домой, не дожидаясь разорок – а жил он в кооперативке напротив и всегда развлекался, обижая одиноких малышей.

Оксанина мама отводит нас по домам и, конечно, рассказывает всё моей.

Весь вечер я в панике жду прихода хулиганских родителей с милицией и окровавленным сыном, и засыпаю в слезах и с тяжёлым сердцем. Но никто так и не приходит жаловаться на ненормальную девчонку, а прыщавый мальчишка больше никогда нас не трогает. Наверное, теперь ходит в соседний двор ломать куличики и обижать малышей там.

Плохие стихи

Галина Ивановна рассказывает нас по стульчикам и рассказывает, что весна – это здорово, тепло и гулять без противной шубы.

– А вы любите весну, ребята? – спрашивает она группу,
и все хором орут:

– Да! Любим!!

И я, конечно, ору. Кто ж её не любит? Травка зеленеет,
солнышко блестит, ласточка с весною в сени к нам летит. Ла-
сточка – это птичка такая с хвостиком-галочкой, а что такое
сени я не знаю, но не против, чтобы ласточка летела, куда ей
вздумается.

А потом вдруг воспитатель говорит:

Зима недаром злится,

Прошла её пора —

Весна в окно стучится

И гонит со двора.

И всё засуетилось,

Всё нудит Зиму вон —

И жаворонки в небе

Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет

И на Весну ворчит.

Та ей в глаза хохочет

И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая

И, снегу захватая,

Пустила, убегая,

В прекрасное дитя...

и на этом занятие заканчивается, потому что я широко
разеваю рот и реву:

– ЫЫЫЫЫ!

Галина Ивановна перестаёт обзывать зиму и в панике бро-
сается ко мне:

– Что такое, Юля? Что случилось?

В ответ я вою ещё громче:

– Уууу-иииии!!

Она пугается ещё пуще и ласково трясёт меня за плечи:

– Юлечка, что? Что??

Расстроившись, что напугала Галину Ивановну, я пыта-
юсь объяснить, что со мной-то ничего, но начинаю заикаться

и мучительно выдавливаю сквозь рыдания:

– З-з-з-з, – точно муха, попавшая в паутину.

Дышать становится тяжело и закончить не хватает воздуха.

На меня оборачиваются удивлённые лица и вокруг сбивается толпа. Серёжа Сланин беспокойно вытягивает шею, на цыпочках заглядывая через головы, но я ничего не в состоянии объяснить.

Нянечка Нина Витальевна отгоняет от меня ребят в детский уголок.

– Занозу посадила? – гадают воспитатель.

Я мотаю головой. Подскакивает нянечка и подключается к викторине:

– Зуб болит?

От непонимания я выдаю рёв оглушительной мощи:

– Зы-зы-з-з-з-з-з-з-з!!!

– Замёрзла? – угадывает Галина Ивановна.

Я яростно мотаю головой. Реветь очень выматывает, и голова уже и так болтается, сама по себе.

Воспитательница бросает тревожный взгляд на няню и шепчет, будто я глухая:

– Давай к заведующей!

Няня энергично кивает и быстро удаляется.

Я продолжаю обессиленно зудеть. Ресницы слиплись от слёз, и я уже ничего не вижу, окружающий мир размыт и неявен. Галина Ивановна бережно вытирает мне сопли ку-

хонным полотенцем, ласково допытываясь:

– Забыла слова?

Я мотаю головой и икаю: реветь больше не хочется, я устала, но теперь оно само ревется, без моего согласия. Тут дверь в группу распахивается и стремительно входит медсестра с заведующей. Значит, будут ставить мантию. Я заливаюсь слезами с новой силой, не переставая зудеть:

– З-з-з-зззз...

Надо мой склоняются лица, и медсестра спрашивает:

– Зажала пальчик?

– Да нет, – оттирает её заведующая. – Зиновьев обидел?

Я мотаю опущенной головой и замечаю, что подол моего нового синего платица с брошкой-вишенкой на воротничке весь закапан слезами. Это отвратительное зрелище придаёт мне новых сил, и я начинаю завывать громче:

– З-з-з-з-з-з!!!

– Может, «з -з-з» – это «зуб болит»? – медсестра поворачивает озабоченное лицо к нянечке.

– Спрашивали уже, – отмахивается та.

– Звенит в ухе? – пробует заведующая.

– Маме звонить? – не сдаётся Галина Ивановна.

Я яростно мотаю головой, и все недоумённо разводят руками.

– Всё-таки надо позвонить родителям, – сдаётся заведующая, поворачиваясь к Галине Ивановне.

Услышав угрозу, я совершаю титаническое усилие и вы-

давливаю:

– Зи-зи-зи...

Все придвигаются ближе, наострив уши.

– З-з-зи-м-му! – выкиваю я.

На этом силы меня окончательно покидают, и я просто всхлипываю, вздрагивая всем телом.

– Зиму? – удивлённо переводит Галина Ивановна.

Я киваю.

– Зиму – что? – допытывается медсестра.

– Ж-ж-жа-л-л-ко...

– Тебе жалко зиму?! – восклицают все.

Я снова киваю, распялив рот. Из него свисает ниточка слюны. Рот щекочут сопли, переливаясь через верхнюю губу.

– Ты из-за этого плачешь? – поражаются взрослые.

Я качаю головой. Все вздыхают с облегчением, а нянечка хватается за сердце. Взрослые хохочут, кто-то протягивает мне стакан воды. Я стучу о стекло зубами, захлёбываясь водой, булькая носом и заливая подол ещё больше.

Вроде бы никто не злится на меня и не собирается ставить уколы или пичкать горькими пилюлями. И маме на работу жаловаться передумывают.

Когда все расходятся по своим делам, Галина Ивановна присаживается возле меня на стульчик. Её лицо прямо напротив моего, и она спрашивает, заглядывая мне в глаза:

– Юлечка, тебя что, расстроил стишок?

Я киваю. Дышать становится легче.

– Зач-чем они г-гонят з-з-зиму? В-в-ведьмой з-злой обзываются? – обиженно всхлипываю я.

Лицо моё горит, разъеденное слезами. Воспитательница молча улыбается, склонив голову набок и ласково глядя меня по голове.

– А как же са-ан-нки? Сн-неж-ки? – продолжаю я защищать жертву весны. – И Н-новый год – он тоже з-зи-м-мой!

Галина Ивановна соглашается. Ещё бы! Ведь совсем недавно именно она рассказывала нам про зимние забавы и про то, как это здорово – снег, морозные узоры, коньки с салазками, Мороз Красный нос и всякое такое.

Как так можно – не понимаю я: вначале, значит, «пусть зимушка весёлая подольше не кончается», «принакрылась снегом, будто серебром» и «чудная картина – белая равнина», а потом – бац, и «ведьма злая»! Старая стала, так сразу не нужна, гонят со двора, в глаза смеются! Нельзя так, нечестно – разлюбить зиму, раз весна пришла!

Плохой этот стих, не стану такой учить!

Чужой подарок

У маминой подруги тёти Нины скоро будет ребёночек. Ещё не понятно, кто достанется, мальчик или девочка, хоть бы девочка, мальчишки эти нафиг не нужны, кто их вообще покупает?

И вот сегодня мама приходит с работы очень весёлая и

объявляет, что он уже завёлся и это – дочка!

– Ура!! – скачу я от радости по комнате. – А её уже как-нибудь назвали?

– Лена, – сообщает мама с непонятной гордостью.

Будто назвали не Леной, а красиво, Анжеликой или какой-нибудь Снежаной.

Ну и ладно! Зато теперь можно будет бегать в соседний подъезд, нянчиться с малявкой, поить из бутылочки и катать в коляске!

Мы начинаем надувать воздушные шарики, чтобы идти поздравлять тётю Нину с покупкой.

Шарики очень тугие и вместо них у меня надуваются щёки. И тут в щеках что-то хрустит. Я пугаюсь, что они сейчас лопнут и вместо них будут дырки. И как тогда я буду есть? Еда же вся повывадывает из этих отверстий!

Поэтому я бросаю шарик и испуганно щупаю щёки, а потом бегу в прихожую проверять в зеркало, не лопнули ли. На первый взгляд со щеками всё в порядке, но надувать шарики я оставляю маме, а сама перевязываю им коротенькие резиновые хвостики нитками, чтобы пойманный воздух не убежал из шариков обратно на небо.

Мы уже надули целую кучу шаров, так что я почти не вижу за ними маму.

Зато прекрасно слышу её голос. И он говорит:

– Юля, давай подарим Леночке собачку?

– Какую собачку? – настораживаюсь я.

– Ну ту. Беленькую, – говорит мама приторным голосом.

Собачку! Мою любимую собачку, которую мне только что подарил Дед Мороз!?! Мама нарочно говорит «ту», а не «твою», чтобы не напоминать мне, что именно я – хозяйка собачки.

Надо сказать, с собачкой этой вышла путаница: я-то просила у Деда настоящую, живую. А он принёс игрушечную.

Было довольно обидно, хотя собачка и вправду очень милая, кучерявенькая, с белой шелковистой шёрсткой и похожая на настоящую болонку.

Она такая красивая, что мама тут же ставит её на телевизор, подальше от меня, и выдаёт только на недолго поиграть и не на улицу, а дома, хотя мне очень хочется похвалиться подарком в садике. Распоряжается, как будто Дед Мороз подарил собачку ей, а не мне!

И ещё она очень хвалит собачку и доказывает мне, насколько та лучше настоящей – и гулять с ней не надо, и кор-

мить, и не лаёт. Хотя как раз самое весёлое в настоящем животном — это кормить, гулять и лаять! Как можно не понимать таких элементарных вещей?

Но для себя я решаю впредь формулировать запросы конкретнее. И то сказать: откуда Деду Морозу знать, что «хочу собаку» означает настоящую, а не игрушечную. Хочешь – на, и ведь не придерёшься. Хотя всё-таки туповат он для волшебника, мог бы и сам догадаться, чего я хочу на самом деле, если б захотел. Но формально какие могут быть претензии?

И вот теперь мама хочет отнять у меня эту собачку, чтобы подарить её какой-то там Ленке? Да я её в глаза не видела! Может, она мне и не понравится больше, чем собачка!

И вообще, это же тёти Нинина дочка, вот пусть сама ей и покупает игрушки, пока та не умеет просить их у Деда Мороза.

– Нет! – отвечаю я решительно.

– Ну почему? – удивляется мама.

В смысле – почему? Потому что она моя и я сама ещё не наигралась! Потому что не хочу! Почему я вообще должна объяснять, почему не хочу дарить неизвестно кому свою иг-

рушку??

Но для мамы всё это не аргументы. И тут меня осеняет:

– Потому что дарёное не дарят! – возвращаю я маме её же слова.

Мама поверженно замолкает, и я решаю, что вопрос исчерпан.

Но не тут-то было: вынув изо рта резиновую попку шарика, мама продолжает атаку: настойчиво спрашивает, давит мне на совесть, угрожает и намекает, что хорошие девочки не бывают жадинами. Да что там намекает! Так прямо и говорит:

– Да, Юля. Не думала, что ты у нас такая жадина растёшь! Мы с твоим папой вроде не жадные, и в кого ты такая уродилась?

И разочарованно качает головой.

После этого я сдаюсь и отказываюсь от права собственности. И не потому, что мне так уж не хочется прослыть жадной, уж не больше, чем оставить собачку себе. А потому, что я вижу – вопрос с подарком решён и спрашивает она меня только для виду.

Тут же мама начинает меня нахваливать с энтузиазмом, с которым только что стыдила.

И хотя мне приятно, как меня называют умницей и взрослой, что случается не часто, я понимаю, что где-то просчиталась и надо было устроить истерику, как с цыплёнком, и спасти подарок. Хотя, устрой я скандал, она не только заберёт мою игрушку, но ещё и ремня задаст, что добром не отдала. Выйдет ещё хуже.

Тут с работы приходит папа, и мама, отрезая мне путь к отступлению, радостно сообщает ему, что Юля, то есть я, отдала противной тёти Таниной дочке свою собачку и пора идти поздравлять.

Папа смотрит на меня, озадаченный контрастом между моей неожиданной щедростью и угрюмым видом, но мама его торопит, и они начинают поспешно собираться.

– А ты почему не одеваешься? – удивляется на меня мама.

И тут я заявляю, что остаюсь дома.

– Ты что, не хочешь увидеть Леночку? – поражается она.

– Не хочу, – отвечаю я, упрямо скрещивая руки на груди.

– Чего я там не видела! Без меня идите.

И удаляюсь в свой уголок, гордо вскинув голову.

Родители поспешно одеваются, бормоча и толкаясь спинами в тесной прихожей и уходят, унося мою собачку. В спины им весело бьют разноцветные шарики.

Я остаюсь совсем одна и долго смотрю на опустевшую полку, где раньше стояла моя собачка.

Всё-таки хорошо, что Дед ошибся и принёс игрушку вместо настоящей, радуюсь я сквозь слёзы, подозревая, что живую собачку отдать чужой малявке было бы гораздо обиднее.

Драчливая дверь

Скоро за мной зайдёт Лилька, чтобы гулять. Поэтому я в три укуса заглатываю бутерброд с маслом, заливая его сладким чаем, шлёпаю чашку на стол и несусь обуваться.

Не рассчитав траекторию, больно прикладываюсь лбом о кухонную дверь и рефлексивно даю сдачи – луплю её кулаком.

И тут же ору от боли и ярости:

– Аааа!!! – тряся рукой.

Дверь издевательски молчит, рука жутко болит.

– Ах, так?! – воплю я с ненавистью и изо всей силы пинаю поганую дверь босой ногой – получай!

Дверь громко хлопает о стену и отлетает на место, второй

раз шибанув меня по лбу так, что искры из глаз сыплются. Я слышу, как она глумливо скрипит, будто насмехается надо мной!

Теперь кроме руки у меня болит ещё и ушибленная нога, а над бровью наливается горячая пульсирующая шишка. Дверь же нахально висит на своём месте.

Я падаю рядом с ней на пол и рыдаю от боли и несправедливости: ведь я ей ничего не делала, она первая начала! И вот я сижу тут вся избитая, а ей хоть бы хны!!

В дверь колотят руками и ногами – это пришла Лилька. Я поднимаюсь с пола, вытираю рукой мокрый нос и отпираю дверь, подволакивая разбитую ногу.

– Ты чего? – удивляется Лилька, гордо прижимая к груди новенький упругий мяч.

Краснобокий, с толстой синей полосой посередине.

– Да так, – нехотя бурчу я.

Не могу же я признаться, что меня избил какой-то человек в своём собственном доме!

– Пошли гулять? – подруга искушающе подкидывает мяч к самому потолку.

– Не хочу, – насупливаюсь я на Лильку, потирая свеженький синяк.

Стоит тут, вся такая довольная, прямо как дверь. А у человека, может, горе!

– Чё, правда не пойдёшь? – не верит она.

– Точно, – хмурюсь я, завистливо косясь на мяч.

Какое гулять? я ещё двери не отомстила! Разве можно спустить такое оскорбление?

Лилька некоторое время топчется в прихожей, потом пожимает плечами и обиженно говорит:

– Ну и ладно.

И уходит, громко бумцая по ступенькам своим дурацким мячом.

Я сердито захлопываю за ней дверь, бросаюсь на постель и заливаю подушку горячими слезами: хороша подруга! Бросила меня в одиночку страдать от несовершенства этого мира!

Дни недели

Здорово, когда из сада меня забирает папа! С ним мы часто заходим в гастроном за пирожными и потом долго гуляем по парку, а иной раз и катаемся на качелях. Папа, правда, не катается, меня только катает.

Но сегодня за мной пришла мама. С ней мы сразу мчимся домой, как будто за нами гонятся гуси-лебеди, никаких тебе пирожных и каруселей.

– Галина Михайловна, выучите, пожалуйста, с Юлей дни недели, – просит на прощанье Галина Ивановна.

– Конечно, к понедельнику выучим, – ласково улыбается мама.

Когда мы выходим на улицу, она поворачивается ко мне и уже безо всякой улыбки спрашивает:

– Ты что, не знаешь дни недели?

Я мотаю головой. Как-то прекрасно обходилась без этой информации.

– Кошмар! – ужасается мама, будто учила меня целый год, а я всё не выучила.

– Запоминай: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье. Повтори, – требует она.

– Понедельник, среда... – повторяю я.

– Да какая среда! С чего это она после понедельника? А вторник где? – негодует мама.

Да откуда я знаю, где? И зачем он вообще мне нужен!

Мама повторяет все дни по порядку и голос её уже менее спокоен.

– Теперь ты, – говорит она.

– Понедельник, вторник, пятница, – мямлю я.

– Какая пятница!! – орёт мама. – Среда!!

В прошлый раз ей не понравилась как раз среда, вот я её и пропустила. Сама не знает, чего хочет.

Мама ещё раз повторяет дни по порядку и голос её явно раздражён.

– Давай, – требует она, грубо дёргая меня за рукав.

Со страху я забываю даже среду.

– Как можно быть такой тупой! – злится мама. – Такая здоровая дылда, а даже дней недели не знаешь!

Я тихо реву.

Мама втаскивает меня в квартиру, больно сжав локоть, и говорит с тихой яростью:

– В общем, так: пока не выучишь дни недели, никаких прогулок.

Я шмыгаю носом.

– И телевизора! – отрезает мама.

Я реву в голос: в воскресенье «В гостях у сказки», которую я ждала всю неделю! Будет сказка «Варвара-краса, Длинная коса»! Можно подумать, у нас так много интересного по телевизору, кроме «В мире животных», «В гостях у сказки» и

«Клубкиного путешествия» и посмотреть нечего, ждёшь их, как праздника.

Весь вечер я зубрю проклятые дни недели и, наконец, учиваю.

– Понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье! – бодро выпаливаю я маме, пока не забыла.

– Хорошо, – скупно хвалит мама.

Ура! «Варвара» спасена! радуюсь я преждевременно.

– А что идёт после среды? – коварно спрашивает мама.

– П..пятница? – мямлю я.

– Да какая пятница! – бесится мама, гневно сверкая глазами.

Я готова разреветься, но держусь, только вжимаю голову в плечи.

Это очень грустные выходные с выключенным телевизором.

Я смотрю на часы – время я знаю, в отличие от дней недели – и вижу: вот передача началась. Вот она идёт пять минут...двадцать...сорок...дальше даже реветь не имеет смысла, потому что половина сказки уже прошла и всё равно ниче-

го не поймёшь, даже если мама вдруг сжалится и разрешит включить телевизор. Но она не разрешает.

А слёзы катятся сами, хотя уже и ни к чему. Не для чего-то, а из-за горькой обиды и несправедливости.

В понедельник, внимательно рассмотрев моё зарёванное лицо, Серёжа Сланин тихо спрашивает:

– Ты чего? Ревела?

– Ничего, – дуюсь я на Серёжу, хотя он ни в чём не виноват.

Как и я не виновата в том, что не знаю проклятых дней недели, какой дурак их вообще выдумал!

Но он не обижается.

И я выпаливаю ему про всё: про пытку четвергом и про прошедшую без меня сказку, и про нервную злую маму, и про вопиющую несправедливость.

– Ты не знаешь дней недели? – поражается Серёжа.

Ещё один!

– Нет! – ору я с ненавистью.

– Но это же так просто! Ты же умеешь считать до десяти?

– Конечно. Я до ста умею! – обижаюсь я.

– Тогда это проще пареной репы! – заявляет он, хотя никакую репу мы никогда в глаза не видели и тем более не па-

рили.

– Смотри: первый – понедельник; второй – вторник, третий, средний, среда, потому что он стоит посередине недели; четвёртый – четверг; пятый – пятница; а субботу с воскресеньем и так все знают. Поняла? — спрашивает Серёжа.

Я потрясённо киваю. Надо же, как всё просто!

– А сказка вообще неинтересная была, я даже сам её смотреть не стал, – успокаивает Серёжа. – Вообще дурацкая.

Я благодарно улыбаюсь.

Вечером я тараторю маме проклятые дни без запинки.

– Ну вот, наконец-то! – говорит мама удовлетворённо, когда ей не удаётся каверзными вопросами сбить меня с толку. – Всё-таки выучили.

Выучили. Только без тебя, мстительно думаю я.

Просто объяснять нужно нормально, а не орать на ребёнка.

– Молодец, – бросает она небрежно.

Слышать такое приятно, и я собой горда.

Вот только пропущенную сказку, хоть и дурацкую, запоз-

далая похвала не вернёт.

Невидимый дождь

Мы ждём поезда – едем к бабушке в деревню на летние каникулы. Пересадка ночная, очень хочется скорее в вагон, на уютные, не важно, что вечно отсыревшие простыни, качаться в такт составу, неумолимо приближающему к бабушке и самому счастливому периоду года.

– Галя, давайте выйдем на перрон, – предлагает папа, кивая в сторону тяжелых дворцовых двустворчатых дверей.

Двери такие громадные, что в них без усилий мог бы проехать целый вагон! Но поезд ездит на улице, а в двери входят и выходят пассажиры.

– Зачем это? До поезда целый час, успеем, чего мёрзнуть, – отмахивается мама.

Я сижу верхом на чемодане, разглядывая огромное здание вокзала.

– Мало ли, что случится, потом беги с вещами – состав длинный, а наш вагон в самом конце, – уговаривает папа.

– Что же такого может случиться за час? – удивляется мама.

– Да что угодно! Например, у чемодана ручка оторвётся, – настаивает папа.

– С чего бы ей отрываться? Он совсем новый, – вяло парирует мама, широко зевая.

Чемодан действительно новёхонький, купленный накануне специально к поездке, тёмно-коричневый, с широкими ремнями и хромовыми блестящими пряжками. Однако спорит мама неохотно, по привычке, и мы поднимаемся. Папа хватается чемодан за ручку, слышится треск: чемодан остаётся на полу, а обшитая кожей ручка – у папы в руке.

– Ну вот! – кричит мама. – Накаркал! Как мы теперь его будем нести?

Как будто бы до ручки его несли мы, а не папа.

Папа с минуту раздумывает, склонившись над покалеченным чемоданом, шевелит бровями и чешет голову. Затем открывает замочки, долго роется внутри и достаёт бечёвку. Снимает свой ремень, приспособливает вместо ручки, а бечёвку просовывает в шлейки штанов.

– Ну вот! – хватается за голову мама. – Будешь теперь, как дворовый пьяница, с верёвкой в брюках! Люди скажут, что у нас даже на ремень денег нет!

Папа только наклоняет голову ниже, продолжая возиться с чемоданом.

Мне не нравится, что родители препираются, не хочу это слышать. Но уйти меня одну не отпустят, и я озираюсь по сторонам: у толстой резной вокзальной колонны стоит мальчишка, мой ровесник. Заметив мой взгляд, он показывает новенькую машинку и прячет за спину. Я улыбаюсь. Вместо ответной улыбки мальчишка вдруг корчит рожу. Я перестаю улыбаться и тоже корчу. Можно подумать!

...дождь! – доносится до меня мамин сердитый голос.

– Да не было никакого дождя! – отвечает папа. Он тоже сердится. – Это было, когда мы в Ярославль ехали.

– Нет, в Саратов, – спорит мама неприятным скрипучим голосом.

Противный мальчишка высовывается из-за угла и показывает мне язык. Я в ответ показываю свой, достав до самого подбородка. На-ка, выкуси!

– Юля! – мама дёргает меня за рукав. Я резко оборачиваюсь, пугаясь, что мне сейчас влетит за язык. Но вместо этого мама говорит:

– Скажи же, что дождь был?

Я пожимаю плечами. Что за странные люди: какая разница, был когда-то этот дурацкий дождь или нет! Вот у меня реальная проблема: мерзкий мальчишка показывает язык и достаёт им до самого кончика носа! Я так не умею, мой язык отказывается подниматься. Вот же гад! мальчишка, в смысле, язык совершенно ни в чём не виноват.

– Ю-ля!! – не отстаёт мама. – Так был тогда дождь или нет?

Я мнусь, пытаюсь избежать роли арбитра и отвечаю, что не помню. И это правда.

– Ну как же не помнишь? Ты уже большая была! – настаивает мама.

– Не помню, – упорствую я.

Можно подумать, за два года человеку невозможно ниче-

го забыть!

Мама разочарованно отворачивается и продолжает доказывать папе, что дождь был. По папиному лицу понятно, что он теряет позиции, но считает правым себя. Хотя он не хочет ссориться с мамой, я вижу, что это вот-вот случится. Папу жалко, особенно после ручки. Но и маму обижать не хочется. Кроме того, я понимаю, что нельзя принять ничью сторону, ведь сейчас они злятся друг на друга, а потом кто-то обидится уже на меня.

– Вспомнила! – громко восклицаю я.

Родители резко оборачиваются.

– Был дождь, – уверенно заявляю я.

Мамины глаза загораются торжеством, а папино лицо разочарованно вытягивается. Пока мама не успела ничего сказать, я быстро добавляю:

– Но ооочень малюсенький. Почти совсем не видный.

Странные эти взрослые – только что спорили, чуть совсем не поссорились из-за такой ерунды, а теперь хохочут, как сумасшедшие.

Я тоже хохочу, потому что родители больше не сердятся друг на друга и потому, что приходит наш поезд. Это значит, что уже завтра днём мы будем у бабушки в деревне!

Мы подхватываем чемоданы и спешим к вагону. Бабкин противный мальчишка строит рожи, вывалив язык, скосив глаза к носу и оттопырив руками уши: того и гляди оторвёт. Я искренне ему этого желаю, невозмутимо проходя мимо с

гордо поднятой головой.

Художник

Он стоит на углу дома, и мы не замечаем его, пока не проходим мимо.

Мы с Лилькой идём из магазина – меня послали за полбуханкой хлеба, а она просто так увязалась, потому что одной дома скучно.

От полбуханки у нас остаётся только ноздреватый тягучий мякиш, а гладкую ароматную корочку мы заживо содрали, не выходя из магазина, и с аппетитом слопали.

Вдруг от стены дома отделяется длинная тень и дорогу нам заступает незнакомец.

– Девочки, здравствуйте! Я – художник, – вежливо представляется он. – Хотите, я вас нарисую? Вы такие красивые!

Глаза Художника блестят неподдельным восторгом.

– Пойдёмте со мной, здесь недалеко, в соседний подъезд.

Мы с Лилькой застываем с кусками хлеба в руках и во рту. Это триумф!

Конечно, мы хотим!

Не каждый день тебя называют красавицей – хотя понятно, что мастер имел ввиду только меня, но как вежливый че-

ловек не мог честно сказать: хочешь, Юля, я нарисую тебя? А ты, незнакомая девочка, давай, до свиданья!

И теперь я буду висеть в каком-нибудь музее, как знаменитая девочка с персиками!

Незнакомец в длинном плаще и беретке, несмотря на жару, а лет ему уже прилично, двадцать или сорок. И голос у него тихий и вкрадчивый, как и положено настоящему Художнику.

Лилька стоит молча, разинув рот, и когда Художник тянет её за руку, она безропотно подаётся вслед за ним. Но тут я дёргаю подругу в другую сторону, отрывая от живописца, и волоку за собой, горячо уверяя, что мы щас вернёмся – одна нога там, другая здесь.

Нашли дуру: сама я не могу немедленно позировать, влетит от мамы. Мы и так вышли за хлебушком полчаса назад, наверное, всё уже остыло, и мама станет ворчать. А Лильку одну я с Художником не оставлю, хотя её никто дома и не ждёт. Знаю я эти штучки: оставишь, а он от скуки нарисует её вместо меня, а на меня потом красок не хватит или холста? Ну уж фигушки!

Я вбегаю в квартиру, оставив Лильку ждать на лавочке – подниматься к нам она не захотела, чтобы и её не накормили. Мне-то деваться некуда.

Дома я в нетерпении еложу на стуле, заглатывая еду кусками, как крокодил.

Мама интересуется, куда это я так спешу, ведь обычно я мурыжу еду часами в надежде улучшить момент и быстренько выплеснуть суп в унитаз или в окно. Почему-то уничтожить суп самым простым способом – просто съесть, не приходит мне в голову. Однажды, когда подул ветер и гороховый суп налип на стекло с обратной стороны, я чуть не выпала из окна, смывая следы преступления туалетным ёршиком. Потёки, конечно, остались, но нас с супом никто не заподозрил, грешили на птичек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.